

Восточногерманские студенты в СССР и репрезентации внутриблокового порядка в 1950-60-х гг.

Официальное соглашение между Советским Союзом и ГДР об обучении восточногерманских студентов и аспирантов в советских вузах было подписано 12 мая 1952 г., однако к этому моменту в Советском Союзе образование уже получали военные и партийные кадры. После своего возвращения в Восточную Германию специалисты должны были занять ведущие посты в партийной, административной, научной и производственной сферах. Диплом советского университета предоставлял в ГДР более широкие перспективы профессионального роста, чем отличное окончание обучения в восточногерманских вузах: при Совете министров ГДР была сформирована отдельная картотека, где хранились данные на выпускников советских институтов, а в ЦК СЕПГ поступали регулярные отчеты о развитии их профессионального пути¹. Согласно юбилейным публикациям к 20-летию начала обучения восточногерманских студентов в СССР, к этому моменту около 5 тыс. граждан «первого немецкого рабоче-крестьянского государства» завершили подготовку в вузах СССР, еще две тысячи прошли краткосрочную стажировку или окончили аспирантуру². В ситуации блокового противостояния «переходящие границу» между советской и восточногерманской действительностью должны были превратиться в устойчивый канал влияния, трансфера социалистического дискурса и фактор укрепления социалистического сообщества.

На примере восточногерманской студенческой делегации в СССР в данной статье будут рассмотрены некоторые элементы внешнеполитических репрезентаций ГДР, а также самопредставления восточногерманских студентов в контексте биполярного противостояния. Исходным тезисом является предположение, что репрезентации социального порядка в новом немецком государстве формировались, стабилизировались или реинтерпретировались в столкновении со «значимыми другими». Для самих студентов, а также для множества восточногерманских ведомств их роль играли представители социалистических государств, а также студенты из капиталистических и развивающихся стран, проходившие обучение в Советском Союзе. Исследование опыта студентов из ГДР, представлявших собой значительную группу восточногерманского общества, получившую реальные, а не абстрактные представления о СССР и инсценированном «социалистическом сообществе», может способствовать представлению восточного блока как транснационального и поликультурного пространства.

¹ См.: Ross S. „Karrieren auf der Lochkarte“. Der „Zentrale Kaderdatenspeicher“ des Ministerrats der DDR // Bauerkämper u.a. (Hg.) Gesellschaft ohne Eliten? Führungsgruppen in der DDR. Berlin, 1997. S.109-131.

² Селиванов А.К. Плодотворное сотрудничество высших школ СССР и ГДР // Вестник высшей школы. 1971. № 12. С.89.

В качестве источников к исследованию привлечены материалы советских и восточногерманских комиссий и отделов, занимавшихся вопросами студенческого обмена, научных контактов и кадровой политики, а также тщательно регистрировавших каждое проявление девиантного поведения студентов.

* * *

Ведомства ГДР использовали научные и образовательные контакты в рамках социалистического лагеря как возможный канал влияния и формирования положительного образа Восточной Германии в странах народной демократии, а самих студентов как послов культурной дипломатии. В официальной переписке с советской стороной, а также в инструкциях активно использовалась риторика Холодной войны, осуществлялась попытка представить Восточную Германию равноправной частью социалистического лагеря, которая переняла на себя важнейшую роль форпоста и первой линии обороны. Для успешной трансляции подобного образа в Советском Союзе использовались разнообразные мероприятия: из восточногерманских студентов формировались лекторские группы, выступавшие на предприятиях и в образовательных учреждениях, ансамбли самодеятельности гастролировали по Советскому Союзу с концертами, включавшими в свою программу национальные и агитационные номера³. Во всех формах подчеркивалась антифашистская природа нового государства. Вчерашний враг последовательно представлялся в качестве перевоспитанного друга.

Студенческий отдел посольства ГДР в Москве был призван «оказывать делегации поддержку в деятельности по сохранению и пропаганде национального культурного наследия и новой социалистической культуры ГДР»⁴. В одной из инструкций, адресованной самим студентам, значилось: «Именно за границей существует множество возможностей для представления нашей политики не только принимающей стороне, но и иностранным студентам. Вашей задачей является усовершенствование Ваших способностей, которое с позиций нашей национальной ответственности как граждан ГДР позволит убедительно участвовать на всех дискуссиях»⁵. От студентов требовалось образцовое поведение и выдающиеся результаты учебы, достойные «почетных представителей» молодого немецкого государства⁶. Наряду с обязательным принципом пролетарского интернационализма им проповедовался «патриотизм по отношению к нашему рабоче-крестьянскому государству»⁷. Нанесение «вреда имиджу ГДР» рассматривалось как повод не только для партийных взысканий, но и для прекращения обучения в СССР и отправки на родину без права на дальнейшее образование в восточногерманских вузах⁸.

³ РГАСПИ. Ф. 1М. Оп. 46. Д. 402. Л.19-20; Оп. 30. Д. 30. Л. 68-81.

⁴ Bundesarchiv-Berlin, DR 3, Nr.1521

⁵ Ebenda, Nr.1524

⁶ Ebenda, Nr.1521; Nr.3716.

⁷ Ebenda, Nr.5707.

⁸ Ebenda, Nr. 1675.

Со своей стороны советские органы преследовали собственные цели. Согласно предписанию Центрального комитета КПСС, образование и воспитание студентов из стран народной демократии имело большое политическое значение. Советские вузы обязывались заботиться об обучении высоко квалифицированных, политически подкованных и верных социализму специалистов для братских стран. При этом открыто заявлялось, что «высокий уровень развития науки и образования в СССР – не единственный побудительный мотив к направлению больших групп молодежи социалистических стран на учебу в СССР. Важны и политические соображения, главным из которых является забота о постоянном расширении и укреплении сотрудничества и дружбы стран социализма»⁹. В условиях действительного и воображаемого усиления мировоззренческой борьбы между двумя системами факт обучения студентов из стран Восточной Европы активно использовался как инструмент пропаганды внутриблокового единства и взаимопомощи перед лицом идеологического врага.

Идейное воспитание иностранных учащихся рассматривалось КПСС как «один из важнейших участков борьбы за победу коммунистической идеологии»¹⁰. Политическую работу предполагалось организовать в непрерывном режиме: не только в период обучения, но и в каникулы; не только в учебном процессе, но и в быту. В отличие от других иностранных студентов представители стран народной демократии вместе со своими советскими товарищами изучали весь цикл общественных наук, включая историю КПСС, научный коммунизм, политическую экономию. При этом контекст Холодной войны постоянно присутствовал в качестве значимого фона. В каждом вузе был предусмотрен минимальный план по знакомству иностранных студентов с советской действительностью. Список обязательных к посещению объектов состоял из образцовых предприятий и колхозов, а советские студенты, семьи которых должны были посещать иностранцы, отбирались в соответствии с целым рядом политических и материальных критериев. Однако невозможно было предотвратить столкновение студентов с изнанкой показательного фасада – неоднозначной советской повседневностью. Соответственно восприятие страны передового социализма молодыми гражданами ГДР было двойственным.

С одной стороны, они воспринимали и ретранслировали навязываемые сверху образцы толкования в целях выстраивания карьеры. К примеру, в отчетах парторганизаций подчеркивалось осознание обучающимися своего долга перед Советским Союзом¹¹; сами студенты брали на себя обязательства в газетах и на радио «подробно представить советским людям развитие ГДР и объяснить отношение нашего рабоче-крестьянского государства к Советскому Союзу и другим прогрессивным народам»¹²; включались в социалистические соревнования и ленинские эстафеты,

⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 483. Л. 11-15 и далее.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 9606. Оп. 1. Д. 3532. Л. 5-11; 63-73.

¹¹ Bundesarchiv-Berlin, DR 3, Nr. 1722.

¹² Ebenda, DY 30/ IV 2/ 904/ 630.

инициировали совместную работу комсомольских и партийных организаций. На официальном уровне восточногерманская делегация постоянно стремилась занять второе место в иерархии социалистических землячеств в советских вузах. Первое место автоматически приписывалось советским студентам, что вызывало неоднократные протесты со стороны студентов из ГДР, учебные показатели которых были в среднем гораздо выше. Советская сторона признавала, что «благодаря высокой активности и ясной политической позиции делегация ГДР взяла на себя ведущую роль среди иностранных студентов». Комсомольские и партийные органы видели в ней канал влияния на другие землячества, а также инструмент для навязывания своих решений интернациональным органам студенческого самоуправления. С помощью немецких активистов осуществлялась критика тех делегаций стран народной демократии, которые отклонялись от советской линии, в частности, китайской¹³. На официальном уровне восточногерманское студенческое представительство всегда поддерживало внутриблоковые репрессии, например, подавление Пражской весны.

С другой стороны, в восточногерманской делегации не утихали дискуссии о негативных проявлениях советской жизни, в которых подвергались сомнению пропагандистские репрезентации социалистического лагеря, в том числе лидерских позиций в нем Советского Союза. Ведомства ГДР сетовали, что новички знают мало конкретного и представляют «Советский Союз как страну, в которой больше нет трудностей. Поэтому множество проявлений советской жизни вызвало у них вопросы: поведение населения и милиции, уровень зарплат на предприятиях, обеспечение населения, алкоголь, отношение к евреям, националистические тенденции в прибалтийских республиках»¹⁴. На встречах в посольстве студенты спрашивали: «Существует ли два вида социализма, один – немецкий, а другой – для СССР?»¹⁵; «Нам говорят, что в ГДР строится социализм, а в СССР – коммунизм. Как это сочетается с жизненным стандартом советских людей?»¹⁶ В столкновении с реальной ситуацией, а также под влиянием старших товарищей первокурсники не только избавлялись от своего восхищения Советским Союзом, но и выражали свое разочарование от страны и жителей спонтанным прекращением обучения¹⁷.

Многие восточногерманские студенты заявляли, что «у нас все лучше», что они только сейчас начинают ценить все сделанное для них в ГДР¹⁸. Подобные проявления «шовинизма» руководящие органы Восточной Германии относили на счет «старой наследственной болезни

¹³ Ebenda, DR 3, Nr. 3486

¹⁴ Ebenda, Nr. 5707; DY 30/ IV 2/ 904/ 624; DY 30/ IV 2/ 904/ 630.

¹⁵ Ebenda, DR 3, Nr. 5707.

¹⁶ Ebenda, Nr. 5936.

¹⁷ Ebenda, Nr. 3486.

¹⁸ Ebenda, DY 30/ IV 2/ 904/ 624; DY 30/ IV 2/ 904/ 630.

немцев – национального высокомерия»¹⁹. Однако, скорее всего подобные высказывания молодого поколения свидетельствовали об интенсивном процессе поиска национальной идентичности. Дискуссии о ней разворачивались в рамках политических и философских занятий, обязательно предписываемых студентам в дополнение к учебной нагрузке и нацеленных на повышение партийной сознательности: «Кто мы? Что мы хотим? Откуда мы? Мы не просто какие-то немцы, мы представители ГДР, первого рабоче-крестьянского государства в Германии»²⁰. Выступив инициатором обширного празднования юбилея К.Маркса в советских вузах, восточногерманская делегация представила себя наследником теоретиков диалектического материализма. Еще одним проявлением самопозиционирования стало официальное принятие на себя обязательств воспитательной работы со студентами из развивающихся стран.

Тот факт, что восточногерманские студенты хорошо владели марксистской теорией, на основе этих знаний и с помощью расхожей риторики критиковали и реинтерпретировали официальные репрезентации восточного блока, демонстрируют оживленные дискуссии о советской внутренней и внешней политике. К примеру, студенты спрашивали: «В чем заключается связь между развитием государственной власти в Советском Союзе в сторону государства всего народа и дальнейшим развитием ведущей роли рабочего класса? Существует ли еще в СССР диктатура пролетариата?»²¹ Оживленные дискуссии развернулись вокруг вопроса о социалистической демократии в Советском Союзе. Прежде всего, обсуждалась форма отставки Н. Хрущева. Кроме того, ответственным лицам делегации ГДР задавались вопросы, почему после смены руководства советская пресса практически перестала писать о германском национальном вопросе²². Этот пример подчеркивает не только тот факт, что, несмотря на позднейшие заявления, восточногерманские студенты читали советские газеты, но и тот, что они рьяно отслеживали любое упоминание советской позиции по немецкому вопросу.

Критика высказывалась и по отношению советской политики в государствах восточного блока. Во время одного из докладов о ситуации в Польше 1956 г. ответственное партийное лицо оправдывало советское вмешательство в польские дела тем, что социалистический лагерь в данный момент не может позволить себе экспериментов. Один из присутствующих студентов возразил ему цитатой из произведений В. Ленина, в которых тот указывал на жизненную необходимость экспериментов при строительстве социализма. Во время еще одной инициированной сверху дискуссии о буржуазно-демократической и социалистической революциях в Германии студенты пришли к выводу: «У нас не было революции. Все было

¹⁹ Ebenda, DY 30/ IV 2/ 9.04/ 626.

²⁰ Ebenda, DR 3, Nr. 5936.

²¹ Ebenda, Nr.3486.

²² Ebenda, Nr. 1652.

сделано по указанию оккупационных властей»²³. В связи с «новой восточной политикой» правительства ФРГ студенты задавали весьма показательный вопрос: можно ли с этого момента говорить о двух немецких нациях²⁴. Одним из поводов для этого стала директивная замена терминов, используемых в официальной и повседневной жизни делегации. С этого момента было предписано использовать в устной речи и в делопроизводстве понятие «студенты ГДР» вместо «немецкие студенты», «делегация ГДР» - вместо «немецкое землячество» и т.д.²⁵ Как мне кажется, подобное изменение языковых конструкций должно было в том числе повлиять и на самопредставления студентов: с одной стороны, они перестали быть единственными представителями Германии в Советском Союзе. С другой – это должно было привести к укреплению восточногерманской идентичности и к поиску подходящего наполнения понятия нации.

Иногда интенсивные поиски самоопределения ставили восточногерманские партийные организации в неловкое положение. Во время одного из интернациональных диспутов студент из ГДР задал вопрос о правомерности восточных границ. Он подкрепил свое выступление выдержками из произведений классиков и пришел к выводу об отсутствии всякого марксистского обоснования данной линии, которая, по его мнению, являлась результатом культа личности. Возмущение польской делегации вызвал тот факт, что многие из присутствующих восточногерманских студентов приветствовали данное выступление бурными аплодисментами²⁶.

Каждая внешнеполитическая неудача Советского Союза или, напротив, успех западного блока провоцировали в восточногерманской делегации все более громкие сомнения в лидерских позициях СССР. В связи с высадкой на Луну экипажа американского «Аполло» среди студентов регистрировались переоценка космических успехов США и разочарования в том, что не советские космонавты были первыми на Луне²⁷. В ходе кубинского кризиса высказывалось мнение, что Советский Союз напрасно занял оборонительную позицию и вывел оружие с острова²⁸. В МГУ даже разразилась дискуссия о том, сохранил ли еще свою актуальность распространенный в ГДР лозунг - «Учиться у СССР, значит учиться побеждать»²⁹.

С подобными проблемами студенческий отдел посольства ГДР сталкивался при пропаганде ведущей роли советской науки. В одном из адресованных студентам предписаний она представлялась как самая прогрессивная в мире, а советские профессора и доценты – как «выдающиеся специалисты своей области, последовательные коммунисты и скромные люди»³⁰.

²³ Ebenda, Nr. 5707.

²⁴ Ebenda, Nr. 3486.

²⁵ Ebenda, Nr. 3486.

²⁶ Ebenda, DY 30/ IV 2/ 904/ 628

²⁷ Ebenda, DR 3, Nr. 3486

²⁸ Ebenda, Nr. 1733a.

²⁹ Ebenda, Nr. 1652.

³⁰ Ebenda, DY 30/ IV 2/9.04/626

Этому пропагандистскому возвышению советской науки восточногерманские студенты противопоставляли немецкую национальную традицию. Они жаловались студенческому отделу на лекторов, рассказывавших во время занятий только о достижениях русских и советских ученых, и даже шутили: «Если однажды в качестве примера не найдется русского ученого, то его определено для этого выдумают»³¹.

С другой стороны, многие студенты использовали пребывание в Советском Союзе для приобретения новых знаний. По соглашению между странами, студенты получали доступ практически ко всем, в том числе и засекреченным технологиям и проходили практику на закрытых для других иностранцев предприятиях. Многие студенты всячески избегали участия в политических мероприятиях и ставили перед собой только научные цели. Они объясняли: «Мы не хотим выходить на защиту с диссертациями, которые нам зачтут только потому, что мы иностранцы»³². Даже если при этом они стремились под благовидным предлогом уклониться от своих общественных обязанностей, либо приобрести в глазах партийного руководства делегации очки для своей будущей карьеры, они пытались планировать свое будущее в ГДР и в восточногерманских научных институтах. Как свидетельствуют документы, они активно стремились к образованию транснационального научного сообщества внутри социалистического лагеря и позиционированию себя в качестве специалистов внутри ограниченного «железным занавесом» пространства.

* * *

Как показало исследование, восточногерманские студенты в советских вузах не просто пассивно воспринимали пропагандистские репрезентации восточного блока, но и изменяли, реинтерпретировали их и вырабатывали собственные образцы толкования советской действительности и структур «социалистического сообщества». При этом речь не шла об их однозначно прозападной ориентации или лишь об уклонении от политических дискуссий. Студенты активно пытались использовать господствующее дискурсивное пространство, а также плакативный социалистический язык и его образы. Примечательны при этом понятия нации, национальной научной традиции и национального культурного наследия, активно использовавшееся как политическими институтами ГДР, так и самими студентами. В отличие от более поздних нарративов, созданных под влиянием детерминистского подхода, тогдашние студенты исходили из реальности биполярного порядка. Даже если они часто ставили его под вопрос, в данный период в большинстве своем они ориентировались на карьеру в ГДР и на сохранения научных отношений внутри социалистического лагеря.

³¹ Ebenda, DY 30/ IV 2/9.04/626

³² Ebenda, DR 3, Nr. 5707.